

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ
ЗАКОНЫ ХИМЬЯРИТОВ

Торговля с Востоком вообще, особенно же с Индией и Китаем, была важным экономическим фактором для Рима, а затем его преемницы—Византии. Достаточно вспомнить высказывания основоположников марксизма о положении, которое заняла Византия в качестве „золотого моста между Востоком и Западом“, и том значении, которое они ей придавали до открытия прямого пути в Индию. Торговые пути, которые в течение тысячелетий вели, пересекая Азию по широтам, от побережья Средиземного моря до Китая, не представляли, однако, путей, которые проходились бы одними и теми же людьми от начала до конца. Посредническая торговля велась греками и сирийцами, евреями и персами, согдами и тюрками, индусами и китайцами.

Торговые пути в Передней Азии—Приморской Сирии, Палестине, Набатее, северной Месопотамии—были захвачены Римом, позднее Византия стремилась удержать и укрепить свою границу по Евфрату. Завоевательные тенденции сасанидского Ирана, его настороженное отношение к действиям Византии, ее сношениям с арабами, сирийцами, сменялись военными нападениями, походами и боями, как правило, исходившими от Ирана. Военные действия, агрессия персов препятствовали свободным торговым сношениям Византии со странами Востока через Среднюю Азию, а между тем эти сухопутные дороги делали доступными различные товары, изделия, продукты и особенно драгоценный для Византии китайский шелк-сырец и изделия из шелка. Стремясь получить этот материал, Византия искала других путей на Восток, так как и в мирное время персидские купцы старались получить возможно больше прибыли и поднимали цены на шелк вдвое и втрое. Константинополь пытался наладить обходный путь в Среднюю Азию, чтобы получать товар непосредственно из рук согдов, но персы препятствовали и этому.

Одной из попыток поддержать сношения с Востоком был водный путь по Красному морю и Индийскому океану; он приобретал все большее значение, но не мог совершенно лишить значимости караванные пути и торговлю, осуществлявшуюся через посредство Йемена. Колонизация арабами Эфиопии и последующие периоды захватов эфиопами областей Счастливой Аравии способствовали тому, что сабейцы, а затем химьяриты сносились с эфиопами, торговля которых в индийских гаванях была обширна. Стесняла их только конкуренция персов. Через Эфиопию поддерживались отношения с Цейлоном и Индией, откуда вывозились самые разнообразные товары, в том числе всякого рода пряности, краски, драгоценные камни и тот же шелк, индийский и

привозный из Китая. Благодаря всему этому торговые сношения через Эфиопию и Южную Аравию приобретали большое значение. Необходимо также указать на то, что Эфиопия торговала и со странами восточного побережья Африки, откуда вывозила, между прочим, золотой песок и слоновую кость.

Все это заставляло Византию стремиться сохранить благоприятные отношения с Химьяром и Эфиопией, чтобы обеспечить прохождение караванов и получение товаров из рук их купцов.

Учитывая значение официальных государственных связей с государственными объединениями Аравии и Эфиопии, Византия пользовалась обменом посольствами. В период кушито-химьяритских войн (от 522 до 525 г.) интересы Византии были затронуты за живое: ее купцов не пропускали, убивали и грабили. В своих действиях Эфиопия в значительной степени опиралась на поддержку Византии. В 30-х и 40-х годах VI в. одно посольство следовало за другим, выражая те или другие пожелания империи. В 530 г. посол Юлиан вел переговоры о торговле с эфиопским царем Элесбоа (Эла Ашбеха), предлагая ему закупать товары в портах и гаванях Индии и перепродавать их Византии. В то же время он ходатайствовал перед химьяритским царем Сум'айфой (Эсимфеем) о том, чтобы некий Кайс был восстановлен в качестве филарха (кабира) племени маадеев. Он был в изгнании, опасаясь родовой мести царя, так как убил сдочго из его родственников. Когда Кайс был восстановлен, через два-три года его посетил представитель Византии Абрам (Авраам), хорошо известный по посланию Симеона Бетаршамского и по сообщениям его сына Нонна. Чтобы крепче связать Кайса с Константинополем, Авраам увез с собой в качестве почетного заложника сына Кайса Мавию (Моавию). Нонн, сын Авраама, также побывал у эфиопского царя Элесбоа (Эла Ашбеха), а затем у Кайса, филарха маадеев, но привезти его с собой в Константинополь, как он того добивался, не смог. Нонн оставил записи о своем посещении эфиопского царя, которые были доступны еще патриарху Фотию в IX в. и вошли в качестве фрагментов в его „Библиотеку“, а также в Хронику Иоанна Малалы. Описание путешествия Нонна замечательно, как и его рассказ о приеме у царя. Новое посещение Авраамом царя Химьяра Абрахи было связано с вопросом о передаче филархии Палестины Кайсу, а филархии маадеев — его братьям Амру и Язиду. Все эти посольства, включая и посольство Сумма, брата Юлиана, были осуществлены в период между 530 и 542 гг. и говорят об очень частых, настойчиво повторявшихся сношениях между государствами Южной Аравии и Константинополем.

Но для Византийской империи была известна еще одна возможность жить в мире и добиваться господства своего влияния в варварских государствах — обращение в христианство отдельных представителей знати, царя, браки с царевнами-христианками или знатыми девушками и т. д. С новой верой появлялись новые образцы материальной культуры, язык получал литературную отделку, алфавит и письменность нарождались или развивались; переводились и читались книги. Такой путь проделала Эфиопия, как сообщает Филосторг, во времена Афанасия Великого, войдя тем самым в орбиту Средиземноморского мира, мира Византийской империи.

В города Южной Аравии христианство пришло из двух ближайших центров — из Эфиопии, расположенной через пролив, и из Сирии приморской, по караванному пути. Последнее засвидетельствовано арабскими сообщениями Табари. Ранние сирийские источники указывают, что христианство было завезено, например в Неджран, химьяритскими купцами,

в частности неким Хайаном из Хирты, центра арабов-лахмидов.¹ Но в V и VI вв. положение осложнялось тем, что само христианство могло быть воспринято в одной из его форм — православии, монофизитстве или несторианстве. Несторианство укрепилось более всего на Востоке, в Иране, где, то гонимое, то терпимое, уживалось с государственной религией, зороастризмом. В политическом отношении представители несторианства использовались шахиншахом в качестве культурной силы и для дипломатических соглашений с другими народами. Монофизитство, ставшее особенно значительным в Египте, приморской Сирии и северной, византийской Месопотамии, вело активную проповедь и ширило свое влияние; оно связало свою судьбу с рядом сирийских городов — Нисибией, Эдессой и центром Лакмидского государства, Хиртой. Из Хирты в Неджран тянулись прочные и старые связи, и когда после борьбы с царем Зу-Нуvasом воцарился ставленник Эфиопии Сум'айфа, а затем Абраха, то христианство было восстановлено в своих правах, но епископ, поставленный химьяритами, принял посвящение от монофизитского „папы“ Тимофея из Александрии.² Речь идет о Тимофее III, 32-м патриархе коптской монофизитской церкви в Александрии, занимавшем этот пост в 517—535 гг.³ Участие Симеона Бетаршамского и других представителей сирийского монофизитства в судьбе Неджрана подтверждает это общее положение и связи, которые имел Неджран с монофизитами вообще, а также его причастие к мощной организации „восточных отцов“, по существу противоположавших себя „мелкитам“.

В такой ориентации Неджрана и христиан-химьяритов на монофизитов для Византии была новая трудность, которую она стремилась преодолеть на дипломатическом пути, усиленно поддерживая связи посольствами и представительством. Но Византия стремилась закрепить за собой позиции и другим путем, направляя в города Аравии носителей принятой империей официальной идеологии — православия. Эта церковная политика отражена в византийской литературе, посвященной событиям, происходившим в Южной Аравии, — борьбе между Зу-Нуvasом и городом Неджраном, восстановлению власти эфиопов и, наконец, царю Абрахе.

В круг литературных памятников, связанных с политическим, а отчасти и клерикальным заданием, которое стояло перед Византией, заинтересованной в торговле с Химьяром, входят памятники разных литературных жанров. Это „Акты мученичества Арефы (Харита) и иже с ним“, „Житие“ епископа Грегентия, приписываемые Грегентию „Законы химьяритов“ и „Диалог с Эрбаном“.

„Мученичество Арефы“ использовало явно монофизитские материалы, черпая из сирийских источников, родственных „Посланию Симеона Бетаршамского“ и „Книге химьяритов“. Тенденция мелкитов (православных, которым покровительствовало государство) занять твердое положение в арабских городах соответствовала и заданию государственной власти. Отсюда шло и стремление дать соответствующие литературные памятники, которые закрепляли бы это положение. В число таких памятников в первую очередь следует поставить житие епископа Грегентия, анализ которого был дан на страницах XIV тома Византийского Временника (1907 г.). Житие это полно легендарных эпизодов; они составляют неизбежный приключенческий и фантастический материал такого литературного жанра, но основа жития несомненно исторична. Грегентий,

¹ Chronique de Seert. ed. Addai Scher. LXXIII. — *Patrol. Orient.*, v. 5, p. 330—331.

² Michelle Syrien. *Chronique ed. par J. B. Chabot. Texte p. 274-b; trad. p. 185.*

³ *History of the patriarchs of the coptic church of Alexandria, arabic text ed. et transl. by B. Evetts. — Patrologia Orientalis I, p. 451.*

уроженец Мизии (Мезии), был послан в качестве представителя византийского православного направления в г. Тафар, столицу Химьяра. Грегенти приписывается славянское происхождение. Навыки к миссионерской деятельности он мог получить в этой пограничной провинции и в этом отношении быть полезным на новом месте. Житие делает его епископом Тафара для того, чтобы противопоставить его монофизитскому епископу, ставленнику Тимофея. Само по себе это может быть историческим фактом, так как частые посольства говорят о поддержании связей, а в своей усиленной, настойчивой пропаганде монофизиты стремились парализовать влияние православия, опиравшегося на Константинополь, и несторианства, сумевшего занять положение в Ктесифоне. За влияние в христианских центрах Ближнего Востока боролись все три клерикальные партии, и каждая из них представляла известное политическое направление. Схватка Византии с Ираном нашла себе место и в южных областях Передней Азии, продолжая соперничество и здесь, как это было на Кавказе и в Месопотамии.

С именем епископа Грегентия связаны два других вышеназванных памятника — „Законы химьяритов“ и „Спор“, который ведется Грегентием с иудейским учителем Эрбаном. Оба памятника, более чем вероятно, являются псевдоэпиграфами, но составлены они были во всяком случае в VI в., в среде, достаточно хорошо известной автору или авторам. „Спор с Эрбаном“ — по тенденции своей совершенно понятный памятник, имеющий значительное количество образцов в предшествующей литературе на греческом языке, начиная с диалога Юстина Философа, и большое число продолжающих его апологетических и полемических памятников, как, например, „Учение новокрещенца Иакова“. Однако „Спор с Эрбаном“ имеет некоторые особенности, вызванные реальной исторической обстановкой, в которой он был составлен. Иудейское влияние и распространение иудейства в Южной Аравии было таково, что господствующий класс и цари принимали иудейство и стремились к его насильственному распространению. Полемика с Эрбаном, вложенная в уста Грегентия, свидетельствует о фактах, имевших место, о попытках мелкитского клира добиться превосходства на идеологических позициях. Возникнуть это сочинение могло лишь в период, предшествующий иранскому завоеванию Йемена в 70-х годах VI в.;⁴ то же время было временем составления тесно связанных со „Спором“ „Законов химьяритов“. Этот греческий памятник отнюдь не представляет собою „Законов“ химьяритского общества, что справедливо и настойчиво отрицали предшествующие исследователи. Такова была и точка зрения Нельдеке,⁵ Васильева,⁶ Наллино.⁷ Но нельзя согласиться с тем, что этот памятник „не стоит принимать во внимание“ ввиду его апокрифического характера: „Ma il carattere apokrifò di entrambi non consente di tenere conto“.⁸ Внимания он заслуживает с нескольких точек зрения. Название Νόμοι τῶν Ὀμηριτῶν „Законы химьяритов“⁹ присвоено этому сочинению потому, что центральной, наиболее обширной и главной его частью являются законодательные нормы. Эта юридическая часть состоит из 64 глав (κεφαλαίαι) различного содержания. Не являясь сборником, порожденным химьяритской средой, „Законы“

⁴ Hitti. History of the arabs. 3th ed., 1946, p. 66.

⁵ Nöldcke. Geschichte der Perser und Araber, Leiden, 1879, SS. 175—201.

⁶ Васильев. Житие Грегентия Омеритского. — Виз. Врем. XIV (1907), p. 25.

⁷ Nallino. Raccolta di scritti editi e inediti. Roma, 1941, p. 126 (4).

⁸ Ibid.

⁹ Anecdota graeca, ed. Boissonade. — Parisiis, 1833, v. 5. pp. 63—116; Patrologia graeca 86, l. col. 567.

представляют собою собрание юридических норм для химьяритов, составленные в византийской среде с целью попытаться их применять и в соответствии с ними управлять химьяритами. Это было естественным следствием стремления Византии господствовать и влиять в южноарабских городах. Вступление и заключение, в которые как бы вправлены „Законы“, по своему содержанию тесно связывают их с двумя другими памятниками. „Мученичество Арефы“ предшествует „Законам“, предисловие которых продолжает его сообщения. Воцарившийся над Химьяром Абраха находит поддержку у православного епископа Грегентия, который, желая помочь ему установить порядок в управлении городами Тафаром и Неджраном, предлагает ввести правила управления и нормы поведения. „Законы“, составленные Грегентием, были приняты и записаны как бы от имени самого царя: Τὸν δὲ λεπτόν νόμον, ὄντιν ὁ ἅγιος Γρηγόριος συντάταχεν ὡς ἀπ' αὐτοῦ τοῦ βασιλέως προεδρεύην προσδῆναι τῇ διηγήσει ταύτη.¹⁰ Таким образом, само свидетельство памятника ясно говорит, что законы были составлены для химьяритов греком и в их основе, следовательно, находятся византийские материалы. Литературное заключение сообщает о том, что законы были умножены и розданы, и возвращается к вопросу об иудеях, законоучитель которых, Эрбан, был упомянут в предисловии.¹¹ Таким образом, создается переход к самому диспуту между Грегентием и Эрбаном, которому посвящен другой труд, приписываемый Грегентию, — *Διάλεξις*, *Disputatio*.¹² Между „Мученичеством“, „Законами“ и „Диспутом“ существует последовательность. История Химьяра рассказывается в период Зу-Нуvasа, потом под властью Абрахи, ставленника эфиопского царя Эла Ашбеха.

Если можно высказать сомнение в том, принадлежат ли „Законы“ и „Диспут“ одному и тому же автору, и едва ли Грегентию, то во всяком случае можно утверждать, что и „Законы“ и „Диспут“, так же как и „Мученичество Арефы“, вышли из одного и того же круга, близкого к политическому официальному представительству и клерикальной византийской миссии, деятельностью которой была направлена на дела арабов вообще и „Счастливой Аравии“ в частности. Эти круги и представители миссии неизбежно должны были быть и были знакомы с соответствующими памятниками на сирийском языке. „Существует также мнение о том, что Νόμοι и Διάλεξις составлены в Сирии“, — писал А. А. Васильев,¹³ — предположение, имеющее многое за себя. Византия в сношениях с мелкими государствами Ближнего Востока пользовалась сирийцами, язык которых был торговым и дипломатическим языком до времени широкого распространения арабского языка.

Как сирийская „Книга химьяритов“ и „Послание Симеона Бетаршамского“, так и греческие источники вращаются в том же кругу событий и людей, борьбы Зу-Нуvasа с Неджраном, выступления царя эфиопов Эла Ашбеха, победы и появления Абрахи в качестве его ставленника царем химьяритов. Для „Законов“, как и для „Мученичества“ Абраха — первый царь после событий 525 г. и смерти Зу-Нуvasа, хотя на основании других источников несомненно, что Абраха имел предшественника Сум'айфу (Эсимфея), как это известно и Прокопию.

У Византии в Южной Аравии были большие экономические интересы, о чем речь была выше, но поддерживать их и заботиться о них Византия

¹⁰ Patr. gr. 86₁, col. 581.

¹¹ Patr. gr. 86₁, col. 620, 576—577.

¹² Patr. gr. 86₁, col. 621—784.

¹³ Васильев. Жизнь Грегентия Омеритского. — Виз. Врем., XIV (1907), стр. 25, со ссылкой на Mordtmann. Miscellen z. himj. Altertumskunde ZMG, 31 (1877), S. 69.

могла лишь до времени завоеваний персов при Хосрове. В VII в. Византия была захвачена очередной задачей — отбросить персов, с которыми она справилась ценой жестокого напряжения всех сил; о Южной Аравии уже не могло быть речи, а к 30-м годам VII в. так изменилась вся ситуация, что даже думать о ней не имело смысла: она вышла из круга внимания Византии в качестве пункта приложения ее экономических интересов и стала родиной страшных сарацин, громивших империю.

Монофизитское влияние, преобладавшее в таких центрах, как Тафар и Неджран, — Византия, стоявшая на позициях православия, стремилась парализовать словом и делом. „Законы химьяритов“ являются литературным памятником, выражающим эту тенденцию. Византия желала упорядочить внутреннюю жизнь арабских городов и дать им известные нормы.

Чем же являются „Законы химьяритов“? Что отражает этот памятник, составленный греками для химьяритов? Наиболее характерной его чертой является то, что предлагаемые в них законы, или правила, почерпнуты с незначительными изменениями из богатых сводов Византийской империи, так увлекавшейся законодательством в эпоху Юстиниана. Составители руководствовались известными им нормами, господствовавшими в их время, в их стране. Некоторые из этих постановлений взяты из живых, действовавших в Византии порядков, установленных с незапамятных времен и потому не нашедших точного отражения в сборниках доюстиниановского и юстиниановского права. Таковы постановления о делении города на кварталы — гейтонии, об обязанностях по надзору и полицейских функциях квартального — гейтониарха.¹⁴ И в этом отношении данные „Законов химьяритов“ представляют несомненный интерес для истории Византии.

Значение имеет и то, что автор или составители сборника имели также известное представление о реальной обстановке, общественном строе и обычаях южноарабских городов. „Законы“ затрагивают различные стороны жизни. Как многочисленные правила номоканонов, так и этот сборник рассматривает вопросы брака, нравственности, соблюдения церковных праздников. При учете социальных отношений, в ряде глав затронуты вопросы рабства и особенности, вытекающие из прочных родовых отношений, пережитков родового строя, засвидетельствованные у химьяритов другими источниками.

Весь фон и колорит законодательства городской; о возделывании земли и ее непосредственных производителях нет речи. Много внимания уделяется порядку управления городом, причем устанавливаемые мероприятия являются сколком с действовавшей системы управления византийских городов, как она известна на основании сообщений хроник, исторических сочинений, а также некоторых законодательных данных византийского права. Не являясь отображением порядков химьяритских городов, предлагаемое в „Законах химьяритов“ управление скалькировано с известного порядка, установленного в Константинополе и других крупных центрах Византийской империи.

По предложению Грегентия, царь химьяритов якобы приказал разделить Неджран на 36 районов (εις τριάκοντα ἐξ ῥεγεῶνας) и поставить в каждом районе архонта (ἐκάστῳ ῥεγεῶν ἄρχοντι ἐπιδοθῆναι).¹⁵ Эти началь-

¹⁴ В статье „Византийские димы и факции“ проф. А. П. Дьяконов мог указать лишь на наличие кварталов, как территориальных объединений в византийских городах. Виз. сб. Л. 1945, стр. 155, 160.

¹⁵ Patr. gr. 83₁, col. 577.

ники районов, получившие название гейтониархов (οἱ γειτονιάρχαι), должны были каждый иметь свой собственный „секрет“, канцелярию (τὸ ἴδιον σέκρητον) (посреди площади) (μέσον τῆς ἀγορᾶς) в выпавшей на его долю гейтонии.¹⁶ Он должен был прежде всего „записать“, т. е. переписать все дома, находившиеся в его ведении, в пределах его гейтонии. Иначе говоря, требовалось составить опись, своего рода окладные листы, на основании которых можно было бы взимать подать. Гейтониарху предлагается придерживаться „своих пределов“, т. е. того округа или квартала, который ему предоставлен, и не пытаться простираť свою власть и какие бы то ни было действия на чужие гейтонии.¹⁷ Под началом у квартального — гейтониарха — были служащие или чиновники οἱ ταξέωται и 16 солдат οἱ στρατιῶται, которые должны были выполнять обязанности полицейских. После того „предписал царь“ „по-хорошему“, „со страхом Божиим“ собирать с населения денежные налоги — „щедроты“ и „анноны“ — προσέταξε ὁ βασιλεὺς τοῦ λαμβάνειν ρόγας καὶ φιλοτιμίας καὶ ἀνόνας.¹⁸ Таким образом, памятник как бы стремится установить систему обложения, известную и действовавшую в Византии. Эти сообщения прекрасно дополняют новыми сведениями то, что было известно об организации городов империи, но ни в каком случае не могут отражать управления Неджрана или какого-нибудь другого города Южной Аравии.

Главой города является епарх, но его непосредственным помощникам, гейтониархам — квартальным уделено особенно большое внимание. Вся деятельность поставленных царем лиц, для наблюдения и упорядочения жизни города, сосредоточена в кварталах, гейтониях. На гейтониарха должен был падать целый ряд полицейских и контрольных функций, он должен был следить за порядком в своем квартале, в общественных местах, на площадях (οἱ πλατείας), на улицах (τὰς ῥύμας), иметь наблюдение за постоянными дворами (τὰς κελυροποτίας) и проявлять всяческое внимание к продаже съедобного — хлеба, вина, масла и всякой другой пищи (§ 1).¹⁹ Наблюдение за ценами в пределах города в целом поручалось епарху, который проверял правильность продажи и цен (§ 62). В этом случае „Законам химьяритов“ соответствуют сведения о положении епарха, известные из „Книги епарха“.

О результатах надзора за домами и за всей жизнью квартала гейтониарх обязан сообщать епарху (§ 58). Гейтониархи должны добросовестно выполнять свои обязанности (§ 61), как и другие служащие и чиновники (οἱ ὑπερέται) города; они не должны быть ворами, вымогателями, грабителями и не смеют требовать лишнего с тех, кто занимается продажей (§ 30). При обложении налогами предписывалось не брать сверх отвечающего законным требованиям или делать самое обложение повышенным (§ 45). Лица, поставленные исполнять судебные обязанности, должны судить по закону, под страхом подвергнуться наказанию за нарушение этого (§ 46).

Приведенные данные типичны для управления и организации византийских городов и, очевидно, были зафиксированы, чтобы предложить их в качестве образца в Химьяре.

¹⁶ Patr. gr. 86₁, col. 577.

¹⁷ Patr. gr. 86₁, col. 580.

¹⁸ Ibid., col. 530. — Член-корр. АН СССР П. В. Ернштедт, любезно согласившийся просмотреть это неясное место, подтвердил правильность перевода и толкования его, данного мною, и указал на употребление термина ρόγα в исследовании Фасмера. Sophocles. Greek lexicon of the roman and byzantine periods. New York. 1893, p. 971 — ρόγα — erogatio, largitio, p. 1146 — φιλοτιμία — largess, magnificence.

¹⁹ Patr. gr. 86₁, § 1, col. 581; в дальнейшем при цитатах даются номера параграфов „Законов химьяритов“.

„Законы химьяритов“, кроме правил для распорядка и управления города, содержали ряд глав, на основании которых можно было производить суд и расправу над населением. За убийство (§ 2) и воровство были назначены суровые, членовредительские наказания. Первый раз вор получает 50 ударов, во второй раз ему клеймят лоб, а в третий раз перерезают жилы на правой ноге, чтобы он не мог бежать и скрыться, совершив воровство (§ 5).

Группа глав сборника самым тесным образом связана с материалами, известными по византийским номоканонам, постановлениям сирийских соборов и славянским юридическим сборникам. Часть этих постановлений нормирует вопросы половой жизни, рассматривая различные преступные нарушения ее как „скверные и низменные деяния“, и запрещает их самым суровым образом (§§ 3, 21, 16). Не случайно, что это запрещение налагается особенно строго на христиан (§ 21), для которых были обязательны постановления клерикальных канонов. Возможно, что и в этом случае составители имели в виду реальную обстановку в Химьяре, где имели распространение различные религии, для которых такого рода ограничения в области половой жизни не были обязательны. „Законы“ настойчиво предлагают сообщать о всех нарушениях такого характера, чтобы „этот грех не заражал чистых душ“ (§§ 3, 15, 16). Как самые действия, так и несообщение о них подлежали тяжелому наказанию. Сюда относится и запрещение предоставлять свой дом или жилище „для дел прелюбодеяния“ (§ 17). Совершившую прелюбодеяние женщину не следует самовольно избивать, ее подвергают телесному наказанию официальные органы государства, представители гейтонии, а отнюдь не частные лица (§ 24).

Клерикальный характер постановлений сказался и на предписаниях относительно брака, которыми его всячески стремятся упорядочить.

Свободный мужчина (*ἀνὴρ ἐλεύθερος*) не должен сожительствовать с рабынями, если он женат, а иметь только одну жену. Точно так же и свободная женщина не должна сожительствовать с рабами (§§ 11, 12). Требование заключать законные браки настойчиво повторяется, причем дается мотивировка того, почему браку предпочитают сожительство с рабыней — *πένης εἰμι καὶ οὐ δύναμαι ἔχειν γυναῖκα* — „я беден и не могу иметь жены“, т. е. для такого лица является невозможным содержать жену (§ 6). На это „Законы химьяритов“ отвечают указанием: „если ты беден, продай и единственную свою рабу“ и живи в „честном“ браке (§ 59). Дважды приведенное с незначительными изменениями, это предписание имело большое значение для установления обычая моногамного, клерикально узаконенного брака.

В связи с такими требованиями, предъявляемыми к браку, находятся и наказания женщины за измену мужу, и в первый раз и вторично — членовредительские (§ 9). Если „всякий имеющий жену законно (*νομίμως*), оставит ее и будет сожительствовать с другой“, — совершает грех и подлежит наказанию (§ 8). Тот, кто сожительствует с законной женой другого (§ 7), несет наказание так же, как и его соучастница. Таким образом нормируются брачные отношения.

В полном согласии с правилами Номоканона, „святых канонов“ — *οἱ γὰρ θεοὶ κληῖνες*, находится разрешение женщине вступать во второй брак и запрещение третьего брака (§ 49),²⁰ — ей рекомендуется вступить в монастырь. Если девушка желает жить в девстве и не вступать в брак, то она должна дать собственноручную письменную запись, как бы дать

²⁰ Patr. gr., 86₁, col. 607—608, nota 8.

подписку, которая обязывала ее к сохранению этого обещания (§ 60). Постановления требуют особого внимания к мальчикам, не достигшим юношеского возраста, чтобы оградить их нравственность от влияния пороков и сохранить их чистоту (§ 40).

Ряд глав имеет в виду нормировать поведение в общественных местах, с тем чтобы добиться некоторого смягчения нравов. К числу таких правил принадлежит запрещение насильничать, драться, ссориться и оскорблять друг друга (§ 39). Это касается и женщин, которые не должны ругаться или браниться (§ 48), но вести себя скромно, помня, что „муж — глава жен“. Повторное запрещение драться и избивать кого-либо в публичных местах точно указывает на необходимость вести себя подобающим образом на улицах квартала и на площадях. Затевающие драку в квартале наказываются сорока ударами (§ 32). Не лишена интереса мотивировка запрещения драться. „Если ты богат, делай добро, но не зло“ — *Δυναστης εἰ καὶ ἀγαθοποιήσον, καὶ μὴ κακοποιήσης*. „Если ты беден, подобного тебе бедняка не бей“ — *Πένης εἰ τὸν ὁμοίον σου πένητα μὴ ῥάπιζε* (§ 23). За пьянство мужчина наказывается шестьюдесятью ударами, а женщина тридцатью (§ 25).

Некоторые правила имеют в виду защитить женщину от посягательств на улицах и на площадях, но они касаются лишь „проходящих свободных женщин“ *διερχομένης ἐλευθέρας γυναικας* (§ 20), никак не касаясь рабынь. Такое же стремление выявлено в другой главе, имеющей в виду обеспечить женщине защиту при совместном путешествии (§ 19).

Общее стремление „Законов“, несомненно, имеет в виду некоторое смягчение нравов вообще. В этом отношении обращает на себя внимание запрещение „насильно выводить“, т. е. нарушать право убежища в церкви, куда бежали, спасаясь от наказания и насилия, причем запрет и наказание за нарушение права убежища налагалось на того, кто его нарушал, и относительно раба и относительно свободного (§ 43).

Во многих главах (титулах) указывается на рабство — рабы упоминаются постоянно, как присутствующие в домашнем быту. Христианство, особенно в первый период своего распространения в I—III вв., когда оно было гонимо, стремилось смягчить положение рабов. Эта тенденция сохранилась в некоторых законодательных памятниках, в частности, такого рода попытки отражены и в „Законах химьяритов“. Так, одна из глав предлагает проявлять к рабам некоторое снисхождение, давать им одежду и обувь (*τὸ διπλάσιον ἱμάτιον καὶ ὑποδήματα*) и уделять другого рода внимание к их нуждам (§ 54). Таково и запрещение избивать своих рабов и домохозяев (*τοὺς ἑαυτοῦ οἰκέτας*). Особенно „Законы“ наставляют господ, так как очень часто рабы от них научаются злу и греху. Господа учат рабов всему дурному, и в поучение им приводится известный текст из послания апостола Павла о равенстве во спасении, где „нет рабов, нет господ“ (§ 53). Стремление несколько смягчить социальные противоречия заключается и в другой главе, запрещающей задерживать мзду *ὁ μισθὸς μισθωτοῦ* наемникам или поденщикам, или совершенно ее не платить. Наказанием является выплата долга в двойном размере (§ 52).

Часть постановлений носит специфически клерикальный характер и стремится внести в быт христианские обычаи. Таково запрещение торговать по воскресеньям чем-либо, кроме съестных продуктов для людей и фуража для животных (§ 27). В большие христианские праздники не следует возить большие и тяжелые грузы морем или сушей (§ 28, 29). Не лишена интереса ссылка, которая делается в этом случае на иудеев, тщательно соблюдающих свои праздники.

Такой же характер носят строгие запреты колдовства, магии, предложения и употребления волшебных напитков и всякой *фармаκεία* (§ 4), а также борьба против любого рода лицедейства. Все, занимающиеся „трагедийными действиями“, простираем рук (или рукоплесканиями), танцами, участвующие в комедиях или пародиях, преследуются: „мы не желаем, чтобы они были на земле нашего государства“ — гласит закон (§ 36). „Преступающие его должны быть схвачены, побиты и должны быть проведены через огонь или обкурены“ — *οἱ δὲ παραβαίνοντες κατασφειδῆτωσαν καὶ μαστιγέσθωσαν καὶ πυρολείσθωσαν, τούτῃστι τζουκίεσθωσαν* (§ 36). Участие в трагедийных и комедийных действиях, пляски, сопровождаемые выразительными жестами, пародии и насмешки составляли круг удовольствий, запрещаемых церковью. Виновных в нарушении подвергали наказанию битьем, а затем проводили через огонь или обкуривали, что, несомненно, представлялось обрядом очищения. Это поверие встречается у различных народов, в том числе у турков, которые в 568 г. провели византийского посла Земарха Киликийца через огонь, прежде чем допустить его к хану Дизибулу.²¹

После обкуривания участвующие в лицедействе в течение целого года должны были в качестве наказания работать в государственных мастерских (*τῷ ἐργοδοσίῳ... ὑπουργεῖν καταδικαζέσθωσαν*) (§ 36).

Те же мотивы действуют в запрещении, надев личины [может быть, меховые маски или маски, изображающие зверей (*τὰ δερμά τινά*)], играть или разыгрывать что-либо на улицах города; такого рода действия квалифицируются как „сатанинские“ и запрещаются „как рабам, так и свободным“ — *εἴτε δοῦλοι, εἴεν καὶ ἐλεύθεροι* (§ 34). Это запрещение простирается на участников трагедий (*οἱ τραγῳδαί*), а также на играющих на кифаре и на лире (*οἱ κιθαρῳδοὶ καὶ οἱ λυρισταί*), будь то мужчины или женщины, юноши или девушки. Всем им рекомендуется вместо этого петь псалмы, и дальше следует интересная аргументация. Если они говорят: „но мы не умеем петь псалмы“, — им следует ответить: „скверному демону поешь песни, нигде в книгах не написанные, а записанные псалмы богу не выучишь“ (§ 35). Здесь несомненно имеются указания на устное народное творчество, с которым клерикальные группы в различных государствах не раз вступали в тщетную борьбу. Эти главы „Законов химьяритов“ отражают жизнь шумных византийских центров, имевших много общего с жизнью городов Востока.

Однако конкретная историческая обстановка в государстве химьяритов, условия жизни и быт были знакомы и известны составителю свода. Многочисленные постановления о браке, кровосмесительстве, противоземельных действиях и других видах нарушений как бы предполагают тесные родовые отношения, наличие большой семьи, крепкого рода, которые хорошо известны для Южной Аравии на основании других памятников. Таковы и многочисленные указания на рабов, которые упоминаются почти в каждом титуле, с тем чтобы и к ним применить или отнести данное постановление.

В Византийской империи в VI в. такое постоянное упоминание о рабах в полицейских и клерикальных титулах законодательства уже не было употребительно. Для химьяритского свода составители достали из архивов старые правила, которые здесь оказались нужными и живыми. Арабский историк Белазори сообщает о том, что Мухаммед заключил договор с неджранитами, по которому в качестве подати они должны были

²¹ Me n a n d r i Protectoris Fragmenta. Fragmenta historicorum ed. graecorum v. 4, ed. Mullerus Parisiis, 1851, p. 227.

ежегодно поставлять ему известное количество плащей и одежд, выделываемых в их городе.²² Возможно, что с этим следует сопоставить то, что „Законы химьяритов“, которые считают центром Химьяра Неджран, особо повторяют запрещение работать по воскресеньям для текстильщиков, как это предлагается и всем другим ремесленникам (§ 63). На развитое ремесленное производство в Неджране, быть может, указывает и запрещение завидовать совершенству мастерства, проявлять зависть к искусной работе — *τευίτην φθονῶν* — и потому клеветать или хулить чужую работу (§ 44). Несколько титулов в качестве наказания предписывают посылать провинившихся на работу в государственные мастерские (§ 36).

С событиями, происходившими в 522—525 гг. в Химьяре, связано также указание „Законов“, что дома, отнятые теми, которые захватили власть над химьяритами, должны быть насильно возвращены и отданы под жилье (§ 57).

Таким образом, „Законы химьяритов“, которые с большим правом могли бы носить название „Законов для химьяритов“, являются подлинным законодательным сборником, составленным в VI в., отражавшим положения и отношения, господствовавшие в Византии. Введением норм этого памятника в Иемене Византия пыталась упрочить свое влияние. Теряя в Счастливой Аравии свой политический авторитет, с которым падали и экономические связи, она применяла все виды идеологического воздействия, чтобы сохранить эти важные опорные пункты своей торговли.

Юридический сборник, который, по мнению исследователей, не заслуживал внимания, приобретает значение как памятник, отражающий управление и быт больших городских центров Византии, свидетельствующий также о ее стремлении подчинить своему идеологическому влиянию отдаленные государства.

Если „Законы химьяритов“ и составлены с известным представлением о реальной обстановке, общественном строе и быте южноарабских городов, нет сомнения, что этот псевдоэпиграф не был действующим законником или судебником химьяритов, а остался византийским литературным памятником, характеризующим городскую жизнь империи в VI в.

²² Al-Beladzori. Liber expugnationis regionum, text arab. ed. De Goeje. — Lugduni Batavorum, 1866, p. 65; Baladhuri. Kitab futuh al-buldan, transl. by P. Hitti. New York, 1916, I, p. 100.